

Глава 42. Поле битвы, спровоцированное одним рисунком...

Линь Сынянь безмолвно выслушал тираду и, кое-как успокоив отца, пообещал, что они уже в пути, скоро будут, и пусть все ждут их дома.

За весь день он так наобщался по телефону, что удивительно, как у него хватило терпения. Будь на его месте кто-нибудь другой, менее выдержанный, он бы давно выключил телефон и наслаждался тишиной.

На самом деле, Линь Сынянь судил по себе. Если бы он сейчас сидел дома и ждал, то, скорее всего, вёл бы себя ещё хуже, чем Линь Гошэн и остальные. Так что оставалось только терпеть. Через несколько дней, когда все привыкнут, что Фэйфэй ходит в садик, станет полегче.

В машине Линь Цзинли не работал, а расслабленно откинулся на сиденье и разговаривал с малышом, который сидел в детском кресле.

— Фэйфэй, расскажи дяде, что вы сегодня делали в садике?

Фэйфэй, оторвав взгляд от мелькавших за окном пейзажей, задумался, собираясь с мыслями, и ответил:

— Фэйфэй, братик Сяохань, Сяоху, Юаньюань и Ююй вместе двигали столы. Мы все сели вместе, а столы, как кубики, нас окружили. Фэйфэй сидел в самой середине. А потом мы кушали, и все давали Фэйфэю вкусняшки. Все любят Фэйфэя!

При последних словах малыш выпятил грудь, его тон был одновременно и застенчивым, и гордым.

— Фэйфэй знает, что все его любят? — Линь Цзинли с улыбкой взъерошил мягкие волосы на голове племянника. Под «всеми» он, очевидно, имел в виду не только друзей в садике, но и семью.

Малыш поджал губы, его большие глаза заблестели, и, смутившись, он тихонько промычал в знак согласия.

Все к нему так хорошо относятся, конечно, он знает, что его любят. Фэйфэй ведь не глупый малыш, как он мог этого не заметить?

— Наш Фэйфэй, конечно, всеми любим, — вовремя вставил слово Линь Сынянь. В глазах любящего отца его ребёнок был самым очаровательным в мире, как можно было его не любить?

И без того смущённый, Фэйфэй от слов отца совсем засмутился. Он заморгал, и его длинные ресницы затрепетали.

Малыш, выросший в любви и обожании, казалось, сохранил кристальную чистоту души, позволявшую ему безошибочно чувствовать доброту других.

Линь Цзинли и Линь Сынянь переглянулись и перестали поддразнивать малыша, чьи щёчки уже начали розоветь.

Дом семьи Линь.

Оставшиеся дома Линь Гошэн, Линь Госюн, Линь Гохун и Ян Юйин выстроились у ворот, с нетерпением глядя в даль.

Линь Госюн посмотрел на часы. С момента окончания занятий у Фэйфэя прошло уже семнадцать минут, а их всё не было.

Посмотрев на время, он снова начал ворчать на Линь Гошэна:

— Я же говорил, что хочу поехать в садик с внезапной проверкой, а ты не разрешил. Что, я, как владелец, не могу проверить работу своих подчинённых? И ещё, у тебя что, денег на машину нет, или во всей семье Линь только одна машина у Цзинли? «Слишком много народу, не поместимся» — тоже мне, отговорка. Если у тебя нет денег, я тебе сейчас переведу. Бери деньги и покупай побольше машин, чтобы у каждого была своя!

Линь Гошэн признал, что за день ожидания он и сам пожалел, что не поехал. Но перед Линь Госюном и Линь Гохуном он ни за что бы в этом не признался. Он лишь небрежно разгладил складки на одежде и с деланным спокойствием ответил:

— Брат, я же говорил тебе, что ты набрался дурных привычек от этих нуворишей из страны М. Перестань постоянно предлагать мне деньги, ладно? Я пока не нуждаюсь в твоих карманных деньгах.

Линь Госюн сузил глаза и уже собирался возразить, как вдруг Линь Гохун и Ян Юйин одновременно воскликнули:

— Вернулись!

Водитель, увидев, что вся семья Линь в полном составе стоит у ворот, явно кого-то встречая, бросил взгляд на маленького господина на заднем сиденье, а затем на старшего и второго

господ. Кто был главным героем этой встречи, водителю, остановившему машину у ворот, было совершенно ясно.

И действительно, Линь Гошэн и остальные, распахнув дверь машины, лишь бросили короткое «вернулись» Линь Сыняню и Линь Цзинли.

Их взгляды, даже не задержавшись на них, тут же устремились к Фэйфэю.

Детское кресло было оснащено двумя ремнями безопасности. Фэйфэй сам их расстегнуть не мог, но Линь Гошэн быстро справился с застёжками и, вызволив малыша, вынес его из машины.

Линь Госюн и Линь Гохун, отставшие на шаг, могли лишь сердито сверлить взглядом спину Линь Гошэна.

Увидев Фэйфэя, Линь Гошэн просиял. Он понёс малыша в дом, приговаривая:

— Хе-хе, дедушка сегодня весь день без Фэйфэя так скучал. А Фэйфэй по бабушке скучал?

— Скучал. Фэйфэй по бабушке скучал. Фэйфэй после садика папе сказал, что по бабушке скучал, — Фэйфэй говорил, что скучал по всем, но, по его логике, «все» включали и бабушку, так что он не врал.

— Правда? Фэйфэй после садика сразу о бабушке вспомнил? — обрадовался Линь Гошэн.

Тут же из-за спины Линь Гошэна раздался голос Линь Госюна:

— А по старшему бабушке? Фэйфэй по старшему бабушке скучал?

— Скучал, — кивнул Фэйфэй.

Когда подошли Линь Гохун и Ян Юйин, Фэйфэю уже не нужно было задавать вопросы. Он, поняв принцип, сам сказал:

— И по бабушке скучал, и по третьему бабушке тоже скучал.

Фэйфэй не рассказал, что, проснувшись после тихого часа, он огляделся и увидел незнакомую обстановку, совсем не похожую на дом. Он несколько раз позвал бабушку и бабушку, но никто не ответил. Если бы не проснувшийся Чу Сяохань, который тут же начал его утешать, и подросшая воспитательница, только что проснувшийся малыш наверняка бы расплакался.

— Мой маленький, мой хороший, ты в садике хорошо кушал? — Ян Юйин сегодня была особенно ласкова с Фэйфэем, что выдавало, как сильно она по нему соскучилась.

— Фэйфэй хорошо кушал. Все давали Фэйфэю вкусные блюда и десерты, — сказал малыш, поглаживая свой всё ещё немного полный животик.

Так, разговаривая, они вошли в гостиную. Фэйфэй достал из своего рюкзака рисунок, который он нарисовал сегодня в классе мелками, и тут же вызвал бурю восторгов и похвал.

Хотя никто толком не понял, что нарисовал малыш, хвалить его бросились все!

— Сегодня воспитательница велела деткам рисовать. У дедушки были с собой мелки, и Фэйфэй нарисовал много картинок. Вот эта — самая любимая, — Фэйфэй из стопки ярких, наивных рисунков вытащил тот, что лежал в самой середине и был лучше всех защищён. Он указал на него пальчиком и начал объяснять: — Это дедушка.

Все посмотрели туда, куда указывал малыш. Человечек с большой круглой головой и маленьким тельцем-палочкой. Фэйфэй, рисуя, не забыл одеть его в квадратную, длинную одежду, похожую на тренировочный костюм Линь Гошэна.

Затем он указал на другого человечка рядом с «Линь Гошэном», который был на восемьдесят процентов похож на первого, но держал в руке что-то большое и тёмное, напоминающее лопатку.

— Это бабушка.

Все понимающе закивали. Посчитав человечков на рисунке, они поняли, что малыш нарисовал семейный портрет.

Линь Цзинли, поправив очки, указал на человечка с двумя квадратиками на лице и уверенно сказал:

— А это я.

Затем он указал на второго по росту человечка на рисунке:

— А это Линь Хань.

Линь Цзинли угадал. Фэйфэй захлопал в ладоши.

— Дядя такой умный.

Остальных человечков тоже можно было опознать. Высокий, который был чуть крупнее других, — это Линь Госюн. А тот, что был круглее Линь Госюна и Линь Гошэна, с круглым животиком, — это Линь Гохун.

Фэйфэй больше всего старался, рисуя Линь Сыняня. В глазах малыша папа был самым красивым, поэтому нужно было очень постараться, чтобы передать его красоту. Выражением красоты, по мнению малыша, были две разноцветные кляксы-цветка на одежде Линь Сыняня.

Был там ещё один человечек. Линь Сынянь нахмурился, подумал и спросил:

— Это Ли Сюй?

— Угу, — кивнул Фэйфэй, подтверждая догадку отца. — Это крёстный.

И, наконец, впереди всех нарисованных стоял самый маленький человечек. Хоть он и был такой же, как остальные — большая круглая голова и тельце-палочка, — Линь Сынянь и все остальные безошибочно увидели в нём очарование.

— Это Фэйфэй, — сказал Линь Сынянь, поднимая рисунок. Он смотрел на него и не мог налюбоваться. — Фэйфэй нарисовал всю нашу семью. Как можно было так хорошо нарисовать? Папа даже не верит, что Фэйфэй впервые взял в руки мелки.

Линь Сынянь вспомнил, как в юности, ещё до того, как уйти в шоу-бизнес, он вместе с Линь Гошэном и Линь Цзинли был на одном аукционе. Гвоздём программы была картина давно ушедшего из жизни мастера, его вершинное произведение.

Та картина в итоге ушла с молотка за сотни миллионов.

Будучи одним из участников аукциона, Линь Сынянь имел возможность рассмотреть ту картину вблизи, чтобы убедиться в её подлинности. Она действительно была выдающейся.

Но сейчас, думая о той картине и сравнивая её с той, что он держал в руках, он понимал, что их ценность для него несопоставима.

Эту картину, ту, что у него в руках, он не продал бы и за миллиард, и за десятки миллиардов!

Любой, кто видел этот рисунок, мог понять, сколько души вложил в него малыш.

Дедушке, который каждое утро делает зарядку, он нарисовал большой тренировочный костюм. Бабушке, которая любит готовить, — лопатку. Старший дедушка, как самый сильный и здоровый, был нарисован крупнее других. Третий дедушка — немного полноват, с животиком, и если остальные были человечками-палочками, то Линь Гохун состоял из двух кружочков,

одного поменьше, другого побольше, так что поправился он не на шутку.

На лице дяди — очки. Брат, хоть и намного выше его, всё равно был вторым по росту в семье. А от крёстного Ли Сюя исходили линии, расходящиеся во все стороны. Когда его спросили, что это, оказалось, что это запах тортов и конфет, который малыш нарисовал с присущей ему фантазией.

В глазах малыша от крёстного всегда пахло сладостями, и казалось, что в следующую секунду он достанет из кармана горсть конфет.

А Линь Сынянь, самый красивый в глазах малыша папа. Большие глаза, густая шевелюра чёрных волос и яркая одежда с цветами — было видно, что малыш изо всех сил старался передать красоту отца своими неумелыми ручонками.

Линь Сынянь, расхаживая по гостиной с рисунком в руках, прикидывал, куда бы его повесить.

— Этот рисунок папа должен вставить в рамку. Чтобы каждый раз, возвращаясь домой, я первым делом видел картину, которую нарисовал мне Фэйфэй.

Линь Гошэн кашлянул и недовольно поправил сына:

— Это Фэйфэй нарисовал для всех. С чего ты взял, что он нарисовал его только для тебя?

— Но ты прав, его нужно вставить в рамку. Только в гостиной слишком многолюдно, вдруг испортят. Лучше повесить у меня в спальне, — сказал Линь Гошэн и уже собирался забрать рисунок у Линь Сыняня.

Линь Сынянь, держа в руках такое сокровище, был начеку. Он увернулся от отца и, словно его осенило, воскликнул:

— Точно, нужно повесить в спальне! Прямо напротив моей кровати, чтобы мы с Фэйфэем могли смотреть на него каждый раз перед сном. Неужели, у Фэйфэя такой сильный художественный талант? Он рисует лучше многих детей постарше.

Сказав это, Линь Сынянь уже собирался взять малыша за руку и пойти наверх.

Но его остановила чья-то рука.